

Жизнь интернатских детей

История
о детстве,
которое
не забывается...

Автор: _____

Наталья Гурьба (Gez)

Наталья Гурьба (Gez)

**Жизнь интернатских
детей 70-х, 80-х и 90-х**

«Автор»

2026

Гурьба (Gez) Н.

Жизнь интернатских детей 70-х, 80-х и 90-х / Н. Гурьба (Gez) —
«Автор», 2026

Жизнь интернатских детей 70-80-90-х Автор: Наталья Гурьба Моя книга — это реальная история, от которой наворачиваются слезы и замирает сердце. Это реальная история моего казённого детства в советском интернате 70–80-90х. Я прошла этот путь сама и честно рассказываю, как одинокие дети учились выживать. В восемь лет я попала в школу-интернат когда маме потребовалась срочная операция. Там были жёсткие правила, наказания, голод и унижения. Как дети защищали друг друга, переживали драки, зашивали разорванные платья. О страшной мартовской ночи, когда спальный корпус дал трещину, и мы спасли малышей. Но эта повесть — не о сломленных судьбах. Она о настоящей дружбе, о первом робком девичьем чувстве, о кукле-обереге на подушке и о поколении детей, которых не испугать трудностями. Эта пронзительная и добрая книга доказывает: даже из самых тёмных, холодных кладовок жизни всегда есть выход к свету, дружбе и любви. Главное — сохранять верность себе и стоять плечом к плечу со своими близкими.

© Гурьба (Gez) Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Предисловие автора	6
Глава 1.	7
История родителей. Встреча, любовь, дети и разочарование.	7
Глава 2.	12
Послевоенные годы! Как могли выжить родители после войны и голодовки	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Наталья Гурьба (Gez)

Жизнь интернатских детей 70-х, 80-х и 90-х

Глава

Наталья Гурьба (Gez)

Глава

Автор: Наталья Гурьба — Gez Natalya

Художественная книга. (Основана на реальных событиях)

История о детстве, которое не забывается...

Германия, 2026 год

Предисловие автора

Привет! Моя книга расскажет о жизни детей в интернате, о трудностях, с которыми им приходилось сталкиваться, и о великой силе духа, которая помогала им преодолевать все препятствия. Я сама прошла через многое и хочу поделиться своим опытом и историей. Как я попала в интернат, с чем я там столкнулась, что было ужасного и тяжёлого в казенных стенах, и чему я там научилась.

В этой книге вы найдете искренние, трогательные и вдохновляющие рассказы о том, как можно найти радость и смысл в любой жизненной ситуации. Как научиться постоять за себя? Как выжить и не сломаться, пройдя свой жизненный путь достойно? Давайте вместе погрузимся в мир интернетовских детей, где каждый божий день — это борьба за выживание и поиск своего места под солнцем. Подготовьтесь к путешествию, полному невероятных историй о стойкости, которой порой требуется гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

Глава 1.

История родителей. Встреча, любовь, дети и разочарование.

Мой рассказ начинается в 1970 году в небольшом рабочем поселке под названием Зеленодольск. Городом это место тогда можно было назвать с большой натяжкой — скорее, огромная, гудящая всесоюзная стройка. Здесь, среди лесов и пустырей, возводили мощную новую электростанцию. Сюда со всех концов страны эшелонами съезжалась амбициозная, молодая молодежь: вчерашние студенты, строители, инженеры. Жили все в спартанских условиях — в длинных рядах строительных вагончиков.

Именно на этой стройке века и пересеклись дороги моих родителей. Моя мама, Галина, приехала в Зеленодольск сразу после окончания кулинарного училища. Молоденькая, статная, она устроилась поваром в местную столовую, чтобы кормить огромную армию рабочих. Мой отец, Павел, трудился на самой электростанции сварщиком — парень с золотыми руками и открытой душой. Они жили в отдельных вагончиках-общежитиях — прямо как в знаменитом советском кинофильме «Девчата». Встречались после смен, гуляли по строящимся улочкам и очень скоро горячо, по-настоящему полюбили друг друга. Свадьбу сыграли скромно, по-комсомольски. Настоящих капитальных домов в поселке еще не было, семейных комнат катастрофически не хватало, поэтому молодым супругам пришлось и дальше ютиться в перенаселенных рабочих вагончиках, где в каждой комнате спали по пять-семь человек.

В одном из таких тесных вагончиков мама и узнала, что носит под сердцем первенца. Они с Павлом были абсолютно счастливы. До поздней ночи они строили планы на будущее, мечтали о собственном тихом уголке и загадывали, что у них обязательно будет двое детей — мальчик и девочка. Их мечты начали сбываться: вскоре на свет появился мой старший брат Олег. А ровно через четыре года, четыре месяца и четырнадцать дней суждено было родиться и мне, Наталья. Но это будет позже.

В то время на нашем строящемся поселении орудовала дерзкая банда из соседней деревни. Пользуясь тем, что на стройке не было строгой охраны, наглые налетчики промышляли грабежами. Самым излюбленным их развлечением было заявляться глухой ночью в женские вагончики, чтобы напугать беззащитных девчат, отобрать деньги или еду. Мама часто вспоминала одну из таких страшных ночей. Ей оставалось всего несколько недель до родов, огромный живот уже тяжело мешал ходить — она была на восьмом месяце беременности. Главарь банды, циничный парень по кличке Шпак, ворвался со своими подельниками в барак, пинками поднял девчонок с коек и заставил их выстроиться в шеренгу. Оцепеневшие от ужаса девушки стояли босиком на ледяном, неструганом деревянном полу — никаких ковров тогда в помине не было, в длинных ночных рубахах. Грабители методично обчищали тумбочки, забирая последние копейки и нехитрые пожитки. Закончив с грабежом, Шпак решил поглумиться. Он достал коробок спичек, подошел к первой девушке, положил ей коробок на грудь и, ухмыляясь, процедил: «Ну-ка, девчата, сыграем. Кто дальше кинет грудью спичечный коробок, та первая и пойдет спать. Остальные стоят». Девчонки, давясь слезами, послушно дергали плечами, стараясь швырнуть коробок дальше. Шпак медленно шел вдоль шеренги, пока не поравнялся с мамой. Он скользнул взглядом по её огромному животу, хмыкнул и лениво махнул рукой: «А ты, ладно, можешь идти спать. У тебя пузо слишком большое! Ха-ха-ха!»

Вскоре стройка продвинулась вперед, и родителям наконец-то улыбнулась удача — им дали долгожданную комнату в первом построенном доме секционного типа. Это было длинное

общежитие: один большой коридор, шесть комнат на шесть разных семей, одна общая кухня, один туалет и один душ. Но для мамы с папой, у которых на руках уже был маленький Олег, эта комната казалась верхом роскоши. Свой личный угол! Жили соседи дружно, одной огромной семьей. На кухне у каждой хозяйки стоял свой рабочий столик. Стоило кому-то затеять стряпню — напечь пышных пирожков или сочных беляшей, — как ароматы разносились по всему коридору. Хозяйки никогда не жадничали: обязательно угощали всех соседских ребятшек. Нам тоже всегда доставалось по горячему пирожку, и это было моментом наивысшего детского счастья. А какой квас делали в те годы! Ставили огромные трехлитровые банки с ржаными корками или разводили домашний чайный гриб. Этот прохладный, резкий вкус и хлебный запах я отчетливо помню даже сейчас. У нас не было мобильных телефонов и компьютеров — у нас были быстрые ноги, верные друзья и бескрайний свежий воздух.

Дети целыми днями пропадали на улице одни. В поселке царила удивительная атмосфера доверия: родители не боялись, что ребенка кто-то обидит или украдет. Мы носились по дворам до изнеможения. Забежишь, бывало, домой на пару секунд, запыхавшийся, и кричишь с порога: «Мама, дай что-нибудь в руку!» Хлеб тогда в Зеленодольске пекли потрясающий — душистый, с хрустящей корочкой. Мама отрезала огромный ломоть, щедро поливала его ароматным подсолнечным маслом и посыпала крупной солью. Ой, какая же это была вкуснотища! Или другой наш любимый бутерброд: макнешь кусок хлеба в кружку с водой, а потом сразу в сахарницу. И с этим сокровищем летишь обратно во двор. Но стоило только показаться на крыльце, как со всех сторон с дикими криками летела дворовая орава: «Сорок восемь — половинку просим!» И ломоть передавался по кругу. Каждый откусывал по очереди, и если ты сам не успеваешь вовремя сделать укус, приходилось со вздохом бежать к маме за вторым куском. Мы бегали голодные, чумазы, но абсолютно счастливые с утра до вечера.

Когда в нашей новой комнатке родилась я, семья казалась просто идеальной. Павел и Галина безумно любили друг друга и просто обожали нас с Олегом. Их заветная мечта сбылась полностью: любящий муж, заботливая жена, мальчик и девочка. Они были молоды, полны надежд и верили, что со всеми бытовыми трудностями они легко справятся. Они и представить не могли, какие страшные испытания ждут их впереди. Отец во мне души не чаял. Для Павла я была главной гордостью и любимицей. По выходным он сажал меня к себе на крепкие плечи и с важным видом отправлялся гулять по поселку. Его излюбленным маршрутом были так называемые пивбары — пивнушки, где прямо из больших бочек наливали свежее разливное пиво, а в воздухе стоял умопомрачительный запах горячих чебуреков и беляшей. Папа очень любил похвастаться своей маленькой дочкой перед рабочими мужиками, поэтому брал меня с собой везде. Мама часто ругалась и просила, чтобы он меня не таскал по таким местам, но папа никого не слушал. Да и у мамы просто физически не было времени за нами следить — она работала на износ в столовой. Её смена начиналась в три часа ночи, когда весь поселок еще спал, а возвращалась она домой только к девяти часам вечера — бледная, уставшая...

Целыми днями мама проводила на работе. Но в те семидесятые и восьмидесятые годы так жили почти все. Городские столовые работали с утра до ночи. Люди дома почти не готовили — на это попросту не оставалось времени, ведь все силы уходили на то, чтобы построить электростанцию и поднять с нуля молодой город Зеленодольск. И только в редкие выходные дни семьи могли наконец-то встретиться и посидеть дружно за столом. Конечно, выдержать такой ритм удавалось не всем. Быт заедал, усталость копилась, и молодые семьи рушились одна за другой. Мужчины, не зная, как снять напряжение после тяжелых смен, часто начинали гулять, выпивать и стремительно спиваться. Женщины долго терпели, плакали, умоляли, но потом и сами медленно опускались на дно. Водка тогда не щадила никого. Моя мама алкоголь искренне ненавидела. Пьяный отец вызывал у неё только ярость, поэтому дома постоянно вспыхивали тяжелые, громкие скандалы. Папа был очень красивым, видным парнем — за ним бегали толпы девчат, каждая пыталась залучить его к себе, налить стопку и уложить в кровать.

Отсюда и поползли все наши семейные проблемы. Мама знала, что отец гуляет и пьет, но сделать с этим ничего не могла. В те времена из-за повального пьянства многие родители были просто не в состоянии воспитывать своих детей — не хватало ни средств, ни времени. Именно так сиротские дома и интернаты заполнялись ребятишками. Посчастливилось тогда только тем, кто родился в благополучных, богатых семьях, остальных же отправляли в интернат.

У отца на электростанции смена длилась с семи утра до шести вечера, поэтому свободного времени у него оставалось больше. Это время он и тратил на загулы. Из-за вечного пьяного тумана папа со временем сильно невзлюбил своего старшего сына — моего брата Олега. Он часто и жестоко бил его — как он сам выражался, «для профилактики в целях воспитания». Тогда нужно было уметь постоять за себя, и отец вбивал эту стойкость в сына, совершенно не понимая, как жестоко ошибается. Ребенку в тот момент нужна была поддержка и любовь. Из-за этих побоев Олег вырос жестким, хотя в самой глубине души он оставался очень добрым мальчиком. Отношения с папой были натянуты: отец постоянно избивал его по разным причинам или просто так, для настроя. Мама всегда оставляла меня с братом и уходила на работу, а папа, как всегда, был в загуле. Олег был мальчиком, ему отчаянно хотелось побегать со сверстниками, а меня он оставлял во дворе в песочнице. Однажды мама возвращалась со смены и увидела в песочнице лежащую девочку. Малышка спала в грязном песке, её лицо, рот, нос и уши были им забиты. Девочка была такая чумазая и заброшенная, что мама сначала просто с жалостью переступила через неё и пошла домой. Но придя в пустую комнату и не обнаружив там ни Олега, ни меня, ни своего мужа, она похолодела. Мама бросилась обратно во двор, молясь, чтобы в той песочнице лежала не её Наташа. Но это была я.

В ту ночь дома разыгрался настоящий ад. Мама, напуганная до смерти, обо всем рассказала отцу. Папа, который сам только что явился с очередной гулянки пьяным, рассвирепел. Он раздел Олега догола, толкнул на пол и начал со всей силы стегать тяжелой скакалкой. Брат катался по полу, кричал от невыносимой боли и закрывался руками, а кожа на его маленькой спине лопалась от каждого удара. Мама в ужасе кричала: «Хватит! Остановись!», но разъяренный батя ничего не желал слышать. В те годы популярным было еще одно страшное наказание: на пол густо разбрасывали сухой горох или гречку и заставляли ребенка стоять на коленях всю ночь. Сойти с этого места без разрешения было нельзя — за это карали еще суровее. Отец так и поступил. В этот раз он рассыпал горох, дал Олегу в руки огромную, тяжелую пуховую подушку и приказал держать её над головой всю ночь, а лицом смотреть в окно. Брат послушно стоял на коленях на острых крупинках, удерживая подушку над собой, пока отец не уснул пьяным сном. Бабушек и дедушек у нас не было — мама сама выросла в детском доме и была сиротой, заступиться было некому. «Ложись, сынок, в кровать, папа уснул», — шептала мама, пытаясь забрать подушку. Но Олежа так панически боялся отца, что оставался стоять на полу до самого утра. Под утро он засыпал, сворачиваясь прямо на полу, как испуганный котенок, всё боялся, что батя проснется и снова даст ремня. А ремнем он бил очень жестоко. Олежа проводил все летние каникулы со мной. А когда начинался сентябрь, в связи с тем, что мама во втором классе уже не могла с ним справиться, она отдала его в школу-интернат. Там он находился целый год, приезжая домой только на каникулы. Я за ним очень скучала. Мне казалось, что в этой жизни понимает меня только он и мама. Я очень сильно любила маму, а папу порой даже ненавидела.

Уходя на работу в свои неизменные три часа ночи, мама будила Олега, чтобы он присмотрел за мной. Отец, как всегда, был в загуле. Я была еще совсем крохой, мне исполнилось всего два годика. Вот и в этот раз мама ушла на смену, оставив меня на брата. Примерно через час я проснулась и отчаянно разрыдалась — наверное, почувствовала, что мамы нет рядом, или просто сильно захотела кушать. Папы дома не было. Олежа метался по комнате и совершенно не знал, что со мной делать, как успокоить этот громкий младенческий плач. В полной панике он туго завернул меня в большую пеленку, подхватил на руки и посреди глухой ночи

пошел через весь поселок к маме на работу в столовую. Только представьте себе эту картину: ночь, пустые темные улицы, и шестилетний напуганный мальчик несет на руках двухгодичного плачущего ребенка. Конечно, в такой час городская столовая была закрыта, а рабочие цеха находились на втором этаже. Понимая, что внутрь не попасть, Олежка бережно положил меня прямо на привокзальную цветочную клумбу, а сам стал подбирать с земли камушки и бросать их в окна второго этажа, чтобы мама услышала. Я громко плакала на улице, и этот истошный детский голос наконец разрезал ночную тишину. Мама услышала меня.

Она испуганно спустилась вниз, забрала меня на руки, а маленького шестилетнего Олега отправила одного идти обратно домой по темным ночным улицам. Сейчас страшно даже представить, чтобы маленького ребенка отпустили ночью одного в городе, но тогда она ничего не могла поделать — на работе её строго ругали, поварам выговаривали, чтобы дети не ходили по кухне. Детям на производстве было не место. Отец пришел домой только под утро, совсем пьяный, и с порога начал бить Олега, требуя ответа: «Где твоя сестра?! Где Наташа?!» Олежка, глотая слезы, ответил, что отнес меня к маме в столовую. А меня в это время мама уложила спать в так называемой хлеборезке — крошечной каморке без окон, где хранился и нарезался хлеб. Ближе к утру с хлебопекарни привезли огромную партию — около двухсот буханок свежего, раскаленного хлеба. Все эти буханки плотно разложили по стеллажам вдоль стен. Хлеб был настолько горячим, что от него валил густой, тяжелый пар. Комната была маленькой, воздух в ней моментально закончился, и этот плотный хлебный пар заполнил всё пространство. Мама работала в горячем цеху и даже представить не могла, что её двухлетний ребенок прямо сейчас задыхается среди этих стеллажей.

На мое счастье, отец ворвался в столовую как раз вовремя. Он был сильно пьян, кричал на весь зал: «Где дочь? Где Наташа?» Мама отмахнулась: «Наташа спит в хлеборезке, иди отсюда, не мешай работать». Как же вовремя он пришел! Батя буквально спас меня в ту ночь, потому что я уже задыхалась — из моего носа тонкой струйкой пошла кровь. Отец выхватил меня со стеллажа, вынес на воздух, стал судорожно обливать холодной водой, привел в чувство и унес домой. Но дома кошмар повторился. Разъяренный пьяный отец снова раздел Олега догола, швырнул его на диван и принялся жестоко избивать армейским ремнем. Олежка был совсем маленьким, он громко плакал и кричал, умоляя отца остановиться, я заходила в плаче в своей кровати. На этот страшный шум сбежались соседи по секции и еле-еле оттащили пьяного отца, уложив его спать. Когда всё затихло, брат подошел к моей кровати, взял меня на руки и крепко прижал к себе. Мы сидели в темноте, тихонько всхлипывая, чтобы, не дай бог, не разбудить отца, и просто смотрели друг другу в глаза, пытаясь своими маленькими силами утешить и поддержать друг друга.

Однажды произошел еще один случай. В нашем Зеленодольске было большое водохранилище, и туда все жители летом ходили купаться и загорать по выходным дням. В тот раз на берегу собралась большая компания: мама, папа и их многочисленные друзья. Их можно было понять — они были совсем молоды, им хотелось встречаться, отдыхать, общаться, смеяться и петь песни. Погода стояла прекрасная, солнце пекло всюду. Взрослые разложили пикник, накрыли стол на покрывалах, купались, загорали и выпивали. Казалось, все были абсолютно счастливы. Отец, как всегда, быстро напился. Ему захотелось движения, он взял Олега с собой, и они пошли на лодочную станцию. Тогда прямо на пляже за пару монет можно было взять напрокат обычную весельную лодку. Отец оплатил время, посадил Олега на скамью, и они поплыли. В пьяном угаре отец не соизмерял опасность — лодка быстро скользила по воде, пока они не заплыли очень далеко, далеко за предупреждающие буйки. Там, на самой глубине, отцу пришла в голову безумная мысль. Он схватил Олега и просто выбросил его из лодки прямо в воду. «Плыви к берегу сам, если хочешь научиться! — крикнул он с кормы. — Так быстрее плавать научишься!» Мальчик, никогда до этого не плававший на глубине, мгновенно начал тонуть. Он захлебывался, барахтался и из последних сил звал маму на помощь. А мама в это

время сидела у самой кромки воды на покрывале, держа на руках меня — двух годовалого грудного ребенка. Услышав этот истошный, захлебывающийся крик сына, мама похолодела. Увидев этот ужас на середине водохранилища, она в дикой панике рванулась в воду, чтобы спасти Олега. Страх за жизнь сына полностью затмил её разум — спасая мальчика, она в беспомощности совсем забыла, что в этот самый момент крепко держала на руках меня...

Все друзья нашей компании и просто отдыхающие на пляже люди с криками бросились в воду и поплыли спасать тонущего Олега. Наконец брата вытащили на берег. Он кашлял, извергал воду и дрожал от пережитого ужаса. Мама упала перед ним на песок и громко расплакалась — она сильно переживала за него, ей было стыдно за отца, но самое главное — она безумно боялась, чтобы сын не утонул. И в этой дикой панике мама оглянулась вокруг — и оцепенела. Её руки были пусты. Она оглянулась и не могла найти меня глазами. И вдруг её пронзила страшная мысль: когда она в беспомощности бежала в воду спасать Олега, я ведь была у неё на руках! Она выронила меня на глубину и даже не заметила этого. Мама начала кричать мертвым, сорванным из-за ужаса голосом: «Наташа! Наташа! Моя дочь под водой! Помогите, люди!»

Пляж мгновенно превратился в гудящий улей. Все люди начали нырять под воду, пытаясь отыскать на дне бедную девочку — меня. Меня долго не могли найти среди поднявшегося ила, и мама отчаялась так сильно, что потеряла сознание прямо на песок. И вдруг один мужчина нырнул на глубину и увидел меня. Мне невероятно повезло: я была совсем маленьким, грудным ребенком и совершенно не поняла, какая смертельная опасность надо мной нависла. Вместо того чтобы наглотаться воды и пойти ко дну, я просто опустила на желтый озерный песок и, сидя на самом дне в толще воды, спокойно перебирала его маленькими пальчиками, словно сидела во дворе в обычной песочнице. Мужчина схватил меня под мышки и быстро вытащил из-под воды на поверхность. Оказавшись на воздухе, я жадно начала глотать кислород, сильно испугалась поднявшегося вокруг шума и истошно заплакала. Маму к тому времени уже успели привести в чувство соседи. Дрожащими руками она выхватила меня у спасителя и прижала к себе — всё сильнее и сильнее, будто боясь, что вода снова отберет у неё ребенка. Брат Олежка сидел рядом на мокром покрывале и тихо, беззвучно плакал.

А что же отец? Павел спокойно сдал лодку смотрителю, по пути зашел в пляжный пивбар, выпил там еще пива и как ни в чем не бывало — веселый и хмельной — пришел обратно к покрывалам, где все еще не могли прийти в себя перепуганные люди. Мама сильно кричала на него, слезы градом катились по её щекам, она закрывала нас с Олегом своим телом. А отец даже не понимал, что случилось, он был пьян и на веселе. Он даже не подозревал, что в этот красивый солнечный день мог больше никогда не увидеть своих детей. И таких случаев в те годы было очень много — и в нашей семье, и в других семьях тоже. Советские будни рабочих окраин не щадили никого. Мама Галя и папа Павел в тот день чудом сохранили нас. Но этот случай на водохранилище стал последней каплей. После него жизнь покатилась под откос со страшной скоростью. Мама с папой стали часто и тяжело ругаться. Отец стал пить еще больше, пропадал ночами неизвестно где, а возвращаясь пьяным, закатывал дикие скандалы, истерики, избивал маленького Олега и поднимал руку на маму. Мама начала панически бояться мужа — она больше не могла оставить нас с ним в одной комнате ни на минуту. В конце концов, устав бороться с этой беспросветной синевой, маме пришлось с ним расстаться.

Глава 2.

Послевоенные годы! Как могли выжить родители после войны и голодовки

Моя мама, Галина, родилась 1 мая 1941 года — ровно за полтора месяца до того, как страшное слово «война» прогремело над страной. В их семье подрастало трое детей: старшая сестра Маша, которая была старше мамы на целых десять лет, средний брат Саша — старше на пять лет, и самая маленькая, грудная мамочка Галя. Дедушка ушел на фронт в первые же дни мобилизации. Ушел в грохоте поездов и больше никогда не вернулся назад, без вести сгинув в кровавых боях. Бабушка осталась совершенно одна в полуразрушенной деревне, пытаясь как-то вытянуть, прокормить и спасти от смерти троих малолетних детей. Вокруг свирепо властвовали страшный голод, лютый холод и наступающая немецкая оккупация.

Когда в их родное село вошли немецкие регулярные части, мирная жизнь окончательно превратилась в ад. Нацисты заходили в каждый уцелевший дом, без разбора расстреливали местных жителей, начисто забирали последнюю еду, убивали сопротивлявшихся и уходили дальше, оставляя за собой пепелища. Старшая сестра Маша позже, когда они уже выросли, часто пересказывала маме события того жуткого дня. Когда в деревню вошли каратели, бабушка успела спрятать детей в домашнем погребе. Сверху слышался тяжелый стук кованых сапог. Люк со скрежетом приоткрылся, и в темноту подвала упал луч дневного света. На пороге стоял немецкий солдат — совсем молодой парень. Он заглянул вниз и замер: перед ним на земляном полу сидела измученная женщина, прижимавшая к груди крошечную, плачущую Галю, а рядом, вжавшись в углы, дрожали от страха Маша и Саша. Маленькая Галочка так жалобно и невинно посмотрела на врага, что у молодого немца что-то дрогнуло в душе. Ему стало до слез жаль этих беззащитных детей. Солдат быстро захлопнул крышку погреба и громко крикнул своим товарищам на немецком языке, что в доме никого нет. Маша на всю жизнь запомнила лицо их спасителя — на левой щеке у него было заметное большое родимое пятно. Благодаря этому безвестному парню они остались живы. Если бы каратели тогда расстреляли семью в подвале, ни я, ни мой старший брат Олег никогда бы не появились на свет.

Но беда не ушла вместе с оккупантами. В разоренной, разграбленной дочиста деревне начался ужасный, беспощадный голод. Еды не было совсем. Моя бабушка начала пухнуть от голода — каждую крошку, каждую случайную травинку или очисток она отдавала детям, а сама неделями ничего не ела. Её материнское сердце билось только ради них. Однажды дети проснулись, стали толкать маму, но она не отзывалась. Бабушка умерла тихо, во сне, от полного истощения. Оставшись совсем одни в пустом мире, маленькие дети не знали, как жить дальше. У них не было даже лопаты, чтобы по-человечески проводить маму. Хватаясь за корни, плача и сбивая пальцы в кровь, они рыли твердую землю собственными детскими руками. Кое-как сделав небольшое углубление, они бережно уложили туда тело моей бабушки и просто забросали его сверху сухими листьями...

После этого сироты пошли побираться по весенним дорогам. Они заглядывали в чужие окна, протягивали тонкие ручки и умоляли о кусочке хлеба. Кто-то, делясь последним, протягивал сухарь, а другие, озлобленные собственной нищетой, гнали сирот со двора или швыряли в них грязную картофельную шелуху. Дети собирали эти очистки, бережноварили их в консервных банках и ели, чтобы не умереть. Летом становилось чуть легче — в лесу созревали ягоды и грибы. Так, цепляясь друг за друга, они бродяжничали и побирались до самого победного мая 1945 года. Чудом выжили все трое.

Когда война наконец закончилась, государство начало собирать уцелевших сирот по разрушенным селам. Были организованы специальные Детские дома, а для самых маленьких — Дома малютки. Малышей распределяли строго по возрасту, и эта безжалостная казенная машина раскидала родных людей в разные стороны: старшую Машу забрали в один детдом, Сашу — в другой, а крошечную Галя отправили в Дом малютки. Связь порвалась на долгие годы. Они полностью потеряли друг друга.

Едва окончив школу, старшая сестра Маша дала себе клятву во что бы то ни стало разыскать брата и сестру. В те послевоенные годы пропавших родственников искали всей страной. Благодаря упорству и бесконечным запросам во все инстанции, Маше уже в первый год удалось разыскать брата Сашу. Но самую младшую, Галочку, они безуспешно искали целых восемь лет.

Причина этой долгой разлуки оказалась удивительной и грустной. Моя мама была слишком маленькой, когда отец ушел на фронт, и совершенно не помнила его настоящего имени. В Доме малютки воспитатели часто читали детям знаменитую советскую сказку про дядю Стёпу-великана — доброго и сильного милиционера, защищавшего слабых. Маленькая сирота Галя, засыпая на казенной кровати, искренне верила, что этот сказочный великан дядя Стёпа и есть её родной папка, который ушел на войну и обязательно её спасет.

Поэтому при оформлении документов она уверенно назвала себя Галиной Степановной, хотя её отца на самом деле звали Семёном. Да еще и в фамилии при записи потерялась одна буква. Вот почему Маша и Саша столько лет безуспешно искали по всем базам Галину Семёновну, пока она росла под совершенно другими документами.

Окончив школу, мама поступила в кулинарное училище и тоже начала самостоятельные поиски брата и сестры. Судьба улыбнулась им лишь тогда, когда молодая Галина приехала по распределению работать поваром на ту самую комсомольскую стройку в Зеленодольск. В один из дней на пороге ведомственной столовой неожиданно появилась взрослая, статная женщина. Это была Маша. До неё дошли слухи, что на стройке работает молодая повариха Галина, которая ищет родных. Почти все анкетные данные сходились, кроме отчества и одной буквы в фамилии, и старшая сестра решила проверить всё лично.

Эта встреча на пороге столовой была похожа на чудо. Им не нужны были документы — стоило двум женщинам посмотреть друг другу в глаза, как они мгновенно, без слов узнали друг друга. Они были похожи как две капли воды. Маша и Галя бросились в объятия друг друга и долго стояли посреди шумной улицы, плача навзрыд и не в силах разжать руки. «Дурочка ты наша, — сквозь слезы улыбалась Маша, глядя маму по волосам. — Нашего же папку Семёном звали, а ты Степаном назвалась! Вот почему мы с Сашкой долгие восемь лет искали тебя после школы и никак не могли найти... Я ведь сюда просто проверить приехала, а это ты! Как же я рада, как я соскучилась! Сашка с ума сойдет от счастья, он ведь тоже все глаза проглядел, ища тебя!»

Вскоре состоялась их большая, долгожданная встреча с братом Сашей. Они сидели за одним праздничным столом, обнимались, плакали и бесконечно вспоминали те страшные, голодные военные годы. Вспоминали, как испуганно дрожали в подвале и как их спас молодой немецкий солдат с родимым пятном на щеке. Вспоминали, как хоронили маму, разбивая маленькие пальцы в кровь о каменистую землю, и как горько плакали, когда их навсегда разделяли по разным детским домам. Они плакали от пережитого горя и одновременно от великой, оглушительной радости — от того, что, несмотря на все ужасы войны и казенной системы, они выжили, сохранили человечность и наконец-то нашли друг друга.

У моей мамы Гали в юности были огромные творческие таланты — она потрясюще, красиво пела и пластично танцевала. Директор её детского дома видел в ней будущую актрису и настоятельно предлагал ей поступать в театральное училище. Но мама наотрез отказалась. «Я так много и страшно голодала в своем детстве, — твердо ответила она директору, — что

пойду учиться только в школу кулинаров и поваров. Я хочу быть уверенной, что ни я сама, ни мои будущие дети больше никогда в жизни не увидят голода».

Мама часто вспоминала свои детдомовские школьные годы. Вместе с ними в классах учились и так называемые «приходящие» дети — домашние ребята, у которых были и мамы, и папы. И все детдомовцы прекрасно знали: у этих счастливых домашних детей в портфелях всегда лежит заветный бутерброд — ломоть хлеба со шматочком соленого сала.

В послевоенные годы снабжение было скудным, кормили сирот в детдоме очень мало, и дети постоянно испытывали мучительный, непреходящий голод. Поэтому, когда в конце уроков учительница строго спрашивала класс: «Кто сегодня останется дежурить и мыть полы?», моя мама и еще несколько детдомовских ребят первыми тянули руки. И делали они это вовсе не из любви к чистоте.

Когда весь класс уходил на прогулку, дежурные оставались в пустом кабинете. Пока одни шумели ведрами, другие быстро и тихо открывали чужие портфели, доставали эти бутерброды и дежурные делили их между всеми голодными детдомовцами. Этот украденный кусок хлеба помогал им выдержать казенные будни. Желание победить этот вечный голод и определило мамину судьбу — она с отличием окончила кулинарную школу, и её направили работать на молодую, строящуюся электростанцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.